

"Море вновь задает нам с усмешкой загадки..."

* * *

Покинув плен убогих дачных стен,
где все сосредоточенно молчало,
мы закатали джинсы до колен
и двинулись к рыбацкому причалу.

Мы шли на звук, на мерный ропот волн,
мы шли на запах, йода запах свежий,
и словно распростертая ладонь,
предстало перед нами побережье.

Еще безлюдно. Море в этот час
еще спало, и что-то морю снилось,
лишь вдалеке отчаянный баркас
испытывал зачем-то божью милость.

А позже мы креветок и камсу
швыряли вверх с рыбацкого причала,
а чайки их ловили на весу,
и это ничего не означало.

Тяжелый краб, лежащий у воды,
смотрел на мир бессмысленно и мудро.
Смывало море старые следы,
и начинался день. И было утро.

* * *

Роксоланы
село носит имя
скифского племени
рок и соль сложились в названье

в непрерывном кочевье от старых пастбищ к новым
скифы протоптали дорогу
оседлые потомки вымостили ее камнем
в новейшее время появились асфальт кюветы дорожные знаки

осенью
крестьянки приносят к трассе
пестроту и свежесть грядок и фруктовых деревьев
расставляют
на самодельных лотках из фанеры
салятся
на равном расстоянии друг от друга
сцепив пальцы на животе
как скифский идол

купите будь ласка горку яблок
они скрасят ваш путь
вам будет не так тревожно
если несколько яблок покачивается на пустом сиденье рядом

пыль пыль на губах
продолжается ли кочевье
лица напряжены
скоростная трасса
от прежних стоянок к новым
от древних курганов к будущим
и какие разные люди
спешат по дороге и сидят у ее обочины

Вольный город

Заходившие в нашу гавань
караваны торговых шхун
привозили булыжный камень,
для балласта груженный в трюм.

Отнимал грузовую площадь
обязательный этот дар,

им стелили новую площадь,
мостовую или бульвар.

В тихой лавке колониальной,
чужеземцу отдав рубли,
обыватель касался тайны
недоступной ему земли.

Расставляя свои акценты,
превращая зерно в металл,
вольный город достиг расцвета
и расплаты не избежал.

Эти гипсовые амуры
над сапожною мастерской
суть обломки иной культуры,
залетевшие в мезозой.

Подхватило порывом ветра
и рассыпало наугад
те образчики стиля ретро,
что не тронул полураспад.

После сдвигов и деформаций,
обнажающих новый пласт,
от ветшающих декораций
нам остался один балласт.

Нам остался бульжный камень
от затей городских властей,
отшлифованный башмаками
и колесами всех мастей.

Ефим и Давид

Две тыщи лет тому назад — я помню как сейчас —
к Ефиму заглянул Давид и говорит: "Атас,

мой старший брат, держись за стол, иначе упадешь,
в газете я сейчас прочел за нашу молодежь.
В роддоме тройня родилась, все трое — пацаны,
не слабы, согласись, дела наследников страны.
Завод счастливому отцу коляску подарил,
чтоб можно было сыновей возить, не тратя сил.
Ткачихи выткали комплект постельного белья.
Горисполком ключи вручил от нового жилья".

Был горд и рад за них Давид, смотрел куда-то ввысь,
как будто лично у него три сына родились,
и держит он в руке ключи от нового жилья,
где расстелить успел комплект постельного белья.
Сейчас уже не объяснишь, чему же он был рад.
Текла совсем другая жизнь две тыщи лет назад.

"О, неразумный младший брат,— сказал мой дед Ефим, —
халоймес — все, что ты прочел. О чем мы говорим?
Как можно верить в этот бред? Ответь на мой вопрос!
Ты б лучше шабское вино взамен газет принес.
Завода нет, коляски нет, нет нового жилья,
и злая выдумка — комплект постельного белья.
Когда не лгут, ведь тоже лгут!" А я был крайне мал
и, отложив свою игру, без звука им внимал.
Ефим — хитрец, Давид — добряк, они вступили в спор,
но я в кого — не разобрать, не добр и не хитер.

С тех пор прошло две тыщи лет, две тыщи долгих зим,
а я решаю: кто же прав, Давид или Ефим?
Уж если дети родились, то нужно знать верней,
как все-таки сложилась жизнь у трех богатырей.
Стоят ли в поле по сей день, как в ступоре, втроем,
или очнулись, чтоб скакать особенным путем?
Что выпало на том пути? Война? Тюрьма? Сума?
И пощадили ль их живот холера и чума?
Но дед и брат его родной ушли, их больше нет,
а с их уходом в мир иной никто не даст ответ.

Баллада изгнания

Он был легко одет,
перед отплытием я подарил ему
свою шляпу.

Из воспоминаний чекиста

Как холодно в Одессе в феврале!
Мерцает Водолей на небосводе,
бело на море, словно на земле,
мороз и ветер — кавардак в природе.

Снег вперемешку с ледяной крупой
обрушился, как божье наказание;
изгой и вождь, преступник и герой
сегодня отправляется в изгнание.

Он смотрит сквозь нечистое стекло
летающей в белый сумрак спецмашины,
его везут, ему не повезло,
но будет время выяснить причины.

Шофер газует, давит на педаль,
на перекрестках поминая черта...

"Знакомый город, чуть не ville natale,
знакомый путь — с окраины до порта.
Куда как скучно сохранять уклад,
отцом и дедом созданный с любовью,
и жизнь цена, не строить баррикад,
предпочитая Тору и торговлю.
Здесь кровь прольют — во время грабежа,
с иронией воспримут смену флага
и риск поймут лишь ради барыша,
а не во имя мирового блага".

...От станции Раздельная его
домчат без остановок до причала,
где ждет "Ильич". "Название каково! —
он бросит. — Хорошо б не укачало..."

Как холодно в Одессе в феврале
у берега. Вот человек по трапу
спускается: "Багаж на корабле.
Прошу вас..." И протягивает шляпу.

Куда теперь? И что за морем ждет?
Им плыл Улисс, с ним пленная Гекуба...
Дар ГПУ его убережет
от инфлюэнцы, не от ледоруба.

Составляя антологию

Лес легких лесенок сквозных,
прямых и винтовых,
дым пробирается сквозь них
из вытяжек печных,

я вижу город под собой,
он многими воспет,
и я неверною стопой
иду за ними вслед.

Он, вспыхнув, ослепив, затмив,
от мостовых до крыш
весь уместился в новый миф,
как Вена и Париж,

и в этом мифе золотом
ему сам черт — не брат,
он в нем, как в веке золотом,
насмешлив и богат.

Но не дано тем, кто извне,
проникнуть за покров,
в ту жизнь, которая на дне,
внутри его дворов.

Я мифотворцев не корю,
не поджигаю храм.
— Пусть будет так, — я говорю, —
— поверим их словам.

Москва

